

Ненормированная Ирина Моргулес

➤ Журналистика вместо славы и денег дает кайф

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ЖУРНАЛИСТКА Ирина Моргулес когда-то вывела формулу привлекательности своей профессии: журналистика не дает ни славы, ни денег – она дает кайф. Но слава к ней пришла.

Пусть не российского масштаба, но в Челябинске ее знают все – не случайно она вошла в топ-50 влиятельных женщин города. И дело не только в ее крепких и интересных материалах в газетах «Комсомолец», «Вечерний Челябинск», а сейчас – для «Южноуральской панорамы». Ирине Израилевне за 70, но не заматерела

– носит экстравагантные наряды из секонд-хенда, свое гордое звание заслуженного работника культуры сократила до «ЗасРаК», организовала арт-клуб «Шляпа», участвует в журналистских и творческих тусовках... Да, чуть не забыла – она освоила Интернет и ведет колонку на портале 74.ru. А недавно стала писателем.

Гастрономический подход

На XII фестивале областных СМИ в Кыштыме без нее не обошлось – провела презентацию своей книги «Записки обжоры и другие зарисовки с натуры» челябинского издательского дома «Пресс-мастер». Она, видевшая Фиделя

Кастро, Тито, Эрика Хонеккера, Павла VI, Жискара д'Эстена, Хрущева, Андропова, Ельцина и Путина, могла бы просто написать об этих встречах, но композицию выстроила по гастрономическому принципу. Поэтому есть в книге и мороженое на челябинском «Бродвее», и газировка на строящейся даче в Магнитке, и бешбармак в Анненском, и римские макароны, и президентский шоколад... А заодно – люди, которых она повидала. Пишет на разные темы и противоречия в этом не видит. Неслучайно дружеский шарж на нее в юбилейном номере газеты «Комсомолец», был подписан так:

*Знают Иру Моргулес
ВВС и ВМС.
Заключили с ней союз
Драма, опера и ТЮЗ.*

В журналисты пошла по совету мамы, которая сказала: «Ну куда тебя? Усидчивости никакой, хватаешь все на лету. В журналисты что ли?»

– Это позже я узнала, что журналисту нужна очень усидчивая попа, – смеется Моргулес. – Школу я окончила в 1957 году. В то время государство думало, что же еще доброго сделать для народа, как пресечь появление интеллигентов во втором-третьем колене. И решило, что людям достаточно среднего образования. Поставили препоны: для поступления в творческий вуз требовалось два года трудового стажа. За это время мальчики шли в армию, девочки замуж... Но я оказалась упорной – на первый курс журфака поступила в 24 года.

В то время женщина-журналист не была правилом. Теперь картина перевернулась – у XII фестиваля СМИ лицо женское.

– Это очень плохо, – говорит Ирина Моргулес, разглядывая аудиторию, где «на десять девчонок» пара ребят. – Профессия тяжелая, не женская. Я ее потянула, потому что росла в послевоенном дворе.

Хотя один аргумент в защиту нашелся.

– Помню, много лет назад ругала ответска «Комсомольца» Диму Бычкова, который принимал на работу женщин, – с улыбкой вспоминает она. – А он посмотрел на меня добрыми голубыми глазами и сказал: «Ира, ведь вы не пьете!»

Буриме на партсобрании

В «Комсомолеце» ее пригласили работать в отделом пропаганды. «Скучно», – скажете вы. И ошибетесь. Тематика была широкой: кроме собственно пропаганды – история, искусство, образование, спорт.

– Газета была живая, – вспоминает Ирина Моргулес. – Мы говорили: если мы не правы, старшие товарищи нас поправят. Имелось в виду партийное руководство. Но поправляли нас уже после выхода публикаций, поэтому я могла писать на интересующие меня темы, а это в хорошем смысле развращало.

Конечно, были ежемесячные комсомольские собрания – в редакции все играли в эту игру: надо так надо. Ирина Моргулес, чтобы время не пропадало даром, на собраниях вязала. А ежегодное отчетно-выборное собрание народ вообще любил.

– Приезжал к ним из Чебаркуля прикрепленный партизнец полковник Рябухин, – рассказывает она. – Привозил взносы за год – 36 рублей и двухлитровую банку маринованных белых грибов. Пока заседали, беспартийные варили картошку. После голосования садились за стол: водка, картошка, грибочки...

А в «Вечернем Челябинске» на партсобраниях она играла с подругами в буриме. Даже стихотворение написала: «Что-то вякал Боря Мэ, мы играли в буриме». Боря Мэ – Борис Митурев, секретарь партячейки.

Глубиночка

За годы она выработала уникальный творческий метод. Пригодилась острая память. Беседа с героем, ничего не записывает. Считает: нужен живой глаз, неподдельный интерес, тогда человек раскроется. А отвлекаться при этом на блокнот – непозволительная роскошь. И только после того, как интервью окончено, она достает листок и «по буквам» фиксирует фамилии, названия, даты, цифры.

Доверительную атмосферу создать умеет. То, что называют казенным словом «презентация», сумела превратить в теплые посиделки. Выдавала одну за другой смешные и грустные истории, знакомилась с журналистами. «Я из Нязепетровска», – представляется журналистка. «Глубиночка?» – по-доброму спрашивает Ирина. Признается в любви к Троицку: «Этот город мучных лабазов был театр моих розовых драм...»

У нее с «глубиночкой» особые отношения. Считает, что в провинции вырастают такие журналисты, библиотекари и люди культуры, которые столичным фору дадут. Небольшой городок утопает в грязи, экскурсовод негламурная:

сапоги резиновые, кошелка клеенчатая, руки огородницы. И какая эрудиция!

Оживляется, когда узнает, что мы с фотокором из «Магнитогорского металла». Спрашивает, как там наш выпускающий редактор Станислав Рухмалев, литературный редактор Владимир Каганис, подписывает им книги. Сокрушается, что нет уже журналиста Ольги Карповой из «МР», с которой она часами гуляла по Магнитке.

– Такие люди у вас работают! – подытожила Ирина Моргулес. – Магнитогорску повезло, но он этого еще не понял.

Кусок хлеба в зубы

Этой осенью в Челябинске открыл третий сезон арт-клуб «Шляпа».

– Сколько всего в этом названии, – говорит Моргулес. – Шляпа как признак интеллигента, и дело в шляпе, и сколько мы в жизни прошляпили... Отбирали для клуба людей тщательно, как яблоки на базаре. Нужны были близкие по духу, но разного возраста. На пресс-конференции, посвященной открытию клуба, одна женщина – не люблю ее за пролазность, крикнула: «У меня шляпа есть!» А я парировала: «Шляпа есть – «местов» нет». Встречаемся раз в месяц, приглашаем гостей, угощение стоит – а как еще говорить об искусстве? Но без спиртного – не надо провоцировать интеллигентов на попойку, большинство из них нестойкие. Общаемся, спорим, поем...

Я смотрела на нее – колоритную, шумную, добрую, и почему-то подумалось: она наверняка любит животных. Оказалось, так и есть. В ее планах – написать еще одну книгу, и название уже придумала – «Безымянные кошки». Сейчас у нее пять кошек, не считая котят. А еще подобрала щенят, которых в холода – на цемент. Из пипетки выкармливала. Ее большого сердца хватает на всех.

Последняя глава «Записок обжоры» называется «Кусок хлеба в зубы, и – вперед». Это про хлеб журналиста. Моргулес неугомонна, почивать на лаврах не собирается. Пишет: «И какое это счастье: не имея времени для нормального обеда, схватив бутерброд с колбасой, а то и просто кусок хлеба, запивая это плохим кофе, добивать досыл или вычитывать полосу!»

ЕВГЕНИЯ ШЕВЧЕНКО
ФОТО > ДМИТРИЙ РУХМАЛЕВ

➤ О светлом будущем заботятся политики, о светлом настоящем – журналисты. Жарко ПЕТАН